

УДК [070:93](477.75)»1830/1850»

**«ЧУМНОЙ БУНТ» 1830 ГОДА В СЕВАСТОПОЛЕ:
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВОЕННОГО ВРАЧА Н. И. ЗАКРЕВСКОГО**

Леписевич Н. З.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: nata-lepisevich@yandex.ru*

Анализируются воспоминания севастопольского врача Н. И. Закревского о «чумного бунта» 1830 года в Севастополе, опубликованные на страницах журнала «Морской сборник» в 60-е годы XIX века. Показано, как использование этого документа способствует пониманию характера событий 1830 года. Анализируется реакция на указанные события населения. Данный источник позволяет уточнить общую картину событий в период с января 1830 г., предшествовавшие восстанию в июне 1830 года.

Ключевые слова: «Морской сборник», Н. И. Закревский, Севастополь, «чумной бунт».

ВВЕДЕНИЕ

Одним из ярких и драматических событий в истории Севастополя является восстание гражданского населения и матросов 3–7 июня 1830 года. При изучении событий, разворачивавшихся с января по июнь 1830 года, исследователи могут опираться лишь на весьма небольшой круг исторических источников. В этом отношении ценным источником по социальной истории Севастополя представляются воспоминания военно-морского врача Никифора Ивановича Закревского, опубликованные на страницах военно-морского журнала «Морской сборник» в 1861–1865 годы. Этим фактом обуславливается **актуальность** выбранной темы.

В данной статье внимание фокусируется на отдельном фрагменте изучаемой области – событиях «чумного бунта» или «холерного бунта» в Севастополе в 1830 году, одного из наиболее проблемных фрагментов в истории Севастополя XIX века, так как до сих пор неясно, была ли на самом деле в городе эпидемия страшной болезни. Автор предлагаемой работы исследовал и проанализировал работы Никифора Ивановича Закревского и предпринял попытку понять, как городской врач, который стал очевидцем всего происходящего, воспринимал и оценивал события «чумного бунта» 1830 года. Такие статьи врача, как «Корабль Эривань, 1829», «На берегу в Севастополе, 1830» и «Севастополь 1830–1831» не только содержат фактический материал, помогающий воссоздать целостную картину событий 1830 года, но и позволяют понять настроение населения в период введенного в городе карантина, чрезмерная длительность которого способствовала мятежу севастопольцев.

Исследование было бы неполным без анализа других работ, где затрагиваются события «чумного бунта» в Севастополе. Очень кратко описал ход восстания Е. Ф. Головачев в книге «История Севастополя как русского порта», отмечая, что именно недовольство женской части населения стало ключевым моментом для начала

восстания [1, с. 247]. Изучение романа-эпопеи С. Н. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда» позволило ясно представить сложившуюся картину по вопросу эпидемии в указанный период. Автор называет происходящие в Севастополе события не «чумным бунтом», а «карманным», то есть просто способом для чиновников обогатиться на предохранительных от заноса чумы карантинных мерах [2, с. 255]. Также в книге Ю. А. Скорикова «Севастопольская крепость», написанной на основе документов из фондов Российского государственного военно-исторического архива и Российского Государственного Архива Военно-Морского Флота, раскрываются подробности причин бунта. Автор, так же как и Е. Ф. Головачов, убежден, что начало восстания происходит из-за смерти женщины, после которого власти объявили о необходимости еще больше ужесточить карантинные меры [3, с. 278]. Вместе с тем, любопытной работой по изучению социальных настроений в Севастополе во время карантина и восстания является монография автора популярных исторических романов на темы из русской и украинской истории XVII-XVIII веков Даниила Лукича Мордовцева «Русские женщины нового времени. Биографические очерки из русской истории. Женщины девятнадцатого века», в которой он на примере одной жительницы Севастополя – унтер-офицерши Кирилловой – показывает, что инициаторами восстания, несомненно, были женщины [4, с. 284]. На эту же тему в журнале «Современник» в 1861 году была опубликована статья Феохтиста Авраамовича Хартахая «Женский бунт в Севастополе». В данной работе автор подробно описывает события, происходившие в городе до начала бунта, подчеркивает, в каком угнетенном положении находились и взрослые, и маленькие жители Корабельной слободы [5, с. 376].

Целью предлагаемой работы является проанализировать воспоминания Н. И. Закревского о событиях 1830 года в Севастополе и сравнить их с уже изученным материалом по данному вопросу.

ПРИЕЗД Н. И. ЗАКРЕВСКОГО В СЕВАСТОПОЛЬ. ЗАКРЫТИЕ ГОРОДА

Нужно отметить, что мемуары севастопольского городского военного врача Никифора Ивановича Закревского были опубликованы на страницах «Морского сборника» в течение 1861-1865 годов. Всего в журнале насчитывается 13 статей, посвященных истории Крыма, Севастополя Черноморского флота в 1830-е годы. Они, несомненно, являются уникальным источником по истории Крыма и Севастополя. Автор был свидетелем становления и развития Черноморского флота в сложных условиях – сначала при адмирале А. С. Грейге, затем – при М. П. Лазареве. Н. И. Закревский вместе с севастопольцами пережил чумной бунт 1830 года, участвовал в важных стратегических морских походах в Средиземноморье на таких боевых кораблях как «Эривань», «Штандарт», «Иоанн Златоуст», в течение 20 лет работал городским врачом, принимал активное участие в образовании моряков, способствуя развитию Севастопольской морской библиотеки, где в 1833 году работал в должности библиотекаря. участвовал в Крымской войне, за что в 1855 году был награжден орденом святой Анны 3 степени [6, с. 119]. Никифор Иванович Закревский скончался в 1864 году и был похоронен на кладбище Херсонесского монастыря.

Никифор Иванович Закревский (1806–1864), получив образование врача в императорском Харьковском университете, в 1829 году был распределен в Николаев на корабль «Эривань», а вскоре он прибыл в Севастополь, где, по мнению властей и

местных врачей, быстрыми темпами распространялась чума, привезенная в город в результате войны с Турцией 1828–1829 годов [7, с. 92]. Нужно отметить, что по дороге в Севастополь, на борт корабля «Эриван» поступили моряки, больные тифом, и Н. И. Закревский, совершая регулярные осмотры больных, тоже заразился. Когда же судно прибыло в Севастополь, город уже находился в карантинном положении по случаю чумы. Никифор Закревский долгое время не мог оправиться от тифа, его мучила горячка, поэтому врача причислили к заразным чумой горожанам. Тогда всех, кто был нездоров, отправляли в казармы на Павловском мысу. И, находясь там, в холодной казарме, Н. И. Закревский лично оказался свидетелем жестокого обращения власти с севастопольцами, которые позже подняли бунт против властей города. «Восемьдесят больных нижних чинов команды фрегата «Эриван» свезены были на фрегат «Скорый», нарочно назначенный под временный госпиталь. На нем ничего не было надлежащим образом устроено. По числу больных не доставало ни тюфяков, ни одеял, ни теплых халатов. Необходимой посуды, перевязочных материалов и припасов не отпускали, а приказывали обходиться имеющимися на фрегате «Эривань», на фрегате же все было давно израсходовано. Вследствие сей неурядицы, было то, что в течение одной недели из 80-ти человек больных, брошенных на фрегате «Скором», умерло 60 человек, – остальные потом были взяты в госпиталь» [8, с. 93–94]. Этот эпизод касался непосредственно моряков, не завидная участь ждала и гражданское население Севастополя.

8 января 1830 года, с разрешения комиссии, учрежденной по погашению чумы, больные моряки оставили казарму на Павловском мысу, рядом с которой находилось чумное отделение, куда каждый день доставляли трупы умерших, а из отделения их направляли на кладбище, устроенное на развалинах Херсонеса. Кроме мертвых, пишет Н. И. Закревский, в чумное отделение свозили целые семейства, у которых умер хотя бы один член семьи. Никифор Иванович Закревский был в хороших отношениях с заведующим этим отделением, доктором Дворецким, поэтому, однажды воспользовавшись случаем, он решился посетить его. Далее он так описывает увиденное в своих воспоминаниях: «Живые размещались на два отделения – в первом находились больные, а во втором – здоровые. Больные разделялись на пораженных с явными признаками чумы и на сомнительных; здоровые же разделялись на подвергшихся сообщению с мертвыми от чумы, и на подвергшихся сообщению с умершими, но не от чумы, но признанными сомнительными. Между больными, признаваемыми с явными признаками чумы, действительно видел я таких, которых нельзя было не признать незачумленными, если бы только эти страшные болезненные припадки, которыми они были одержимы, – сопровождалась одновременно огневиками и карбункулами. Отсутствие же сих отличительных признаков могло приводить к тому сомнению, что эту самую болезнь, признаваемую за чуму, можно было отнести также к ожесточенной полу-трехдневной дикийской горячке (*Hemitricatum Daciae*)» [9, с. 290]. Этому мнению придерживались многие врачи, но его не принял доктор Ланг, старший врач Севастопольского порта, он принял болезнь за настоящую чуму. Вместе с тем, граф Воронцов счел необходимым принять последнее мнение.

В целом, Н. И. Закревский пишет, что решение Петра Ивановича Ланга не представляло особого вреда в отношении охраны края от распространения заразы,

но в отношении науки оно представляло большой вред, так как очень подозрительным кажется то обстоятельство, что профессиональный врач с большим опытом не мог распознать истинные признаки чумы.

После того, как Н. И. Закревского выпустили из казармы, он с другом и коллегой Дорогоневским решили снимать квартиру над Корабельной бухтой. Не успев там поселиться, врачу тотчас же было дано предписание от комиссии по погашению чумы в Севастополе по «врачебному надзору над всей Корабельной слободой, со всеми принадлежащими к ней кварталами и отдельными дворами, расположенными по берегам Корабельной бухты» [10, с. 291]. Корабельная слобода была тогда разделена на 14 кварталов, где размещалось 136 дворов и жителей разного сословия, пола, возраста – 967 человек.

Согласно инструкции, которую представила врачу комиссия по погашению чумы в Севастополе, в случае скоропостижной смерти кого-либо из жителей, нужно было срочно приставить караул к дому, и всех членов семьи надобно было направлять в чумное отделение.

Когда Н. И. Закревский приступил к исполнению своих врачебных обязанностей, начал обходить дома жителей Корабельной слободы, он видел, как в большинстве своем жили простые люди. Чаще всего он посещал бедные лачуги, где жили в основном женщины и дети. Вот как описывает быт севастопольцев Н. И. Закревский в своих записках: «Зайдешь так в одну, вторую, третью лачужку – видишь тот же быт жильцов, ту же бедность, те же лишения, сырость, грязь, холод. Лачужки приросли к крутому скату горы или под навесом скалы – а в них женщины да дети, живущие в пайке, выдаваемом им от казны. Где же мужья этих женщин? Некоторые теперь из них в походах, но они возвратятся, а другие – не возвратятся» [11, с. 66]. Логичным представляется то обстоятельство, что инициаторами бунта были женщины.

Лучше жилось отставным матросам. Если у них есть ялик, можно было заниматься перевозом с Павловского мыса на Графскую пристань, или с Графской пристани на Северную сторону. Эти промыслы, рыбный и яличный, были очень прибыльными для свободного человека. То же можно сказать о женщинах, которые торгуют на рынках. «Незавиден быт этого населения, скудна и промышленность, но этот класс жителей пользуется пока еще свободным сообщением, – пишет Н. И. Закревский, – сообщение это для значительного числа бедняков необходимо, при свободном сообщении многие извлекают что-нибудь для дневного пропитания. Но что с этими многими станется, когда город запрут и прекратят сообщение? А об этом уже начали поговаривать, что город по обнаружившимся неблагоприятным обстоятельствам запереть необходимо, именно потому, что в некоторых частях и предместьях обнаружилась явная чума, и случаи смертности показываются все чаще и чаще» [12, с. 295].

Б. И. Гаврилов в статье «Чумной бунт в Севастополе 1830 г.» отмечает, что несмотря на то, что в начале 1830 в городе не было чумы, карантинные меры ужесточились. «Всякий желавший оставить Севастополь или въехать в него содержался в особом карантине от 14 до 19 дней. В результате окрестные крестьяне отказались везти в Севастополь дрова и продукты. Цены на все резко подскочили, на карантинных заставах расцвела коррупция. Чумы в городе по-прежнему не было, но всех подозрительных больных собирали в пещеры Инкермана, на старые суда-блокшивы, в

неприспособленные здания. Многие умирали там от бесчеловечного обращения и дурных условий. Из-за плохого продовольственного снабжения среди матросов Севастополя распространились желудочно-кишечные заболевания» [13, с. 76]. Странным оказалось поведение главнокомандующего флотом вице-адмирала А. С. Грейга, который после войны с Турцией теперь мог больше внимания уделять бытовой стороне флота, однако должных мер он не предпринял. А вскоре из Петербурга пришел приказ прекратить всякие расследования деятельности черноморских интендантов. Этот запрет немало способствовал возникновению в Севастополе «чумного бунта».

5 февраля 1830 года Закревскому сообщили, что нужно осмотреть двух больных артиллеристов. После осмотра мужчин, врач понял, что у них, скорее, признаки холеры, чем чумы, и известил об этом доктора Ланга. Тот прибыл в слободу вместе с капитан-лейтенантом Макаровым, штаб-лекарем Верболозовым, мортусами и признал артиллеристов больными чумой. После этого их отправили в чумное отделение на Павловский мыс, где они и умерли. А 7 февраля последовало общее по городу объявление, что 10 февраля Севастополь будет закрыт на 21 день. В течение этого времени свободное сообщение между жителями прекратится, за исключением должностных лиц, поставщиков, торговцев необходимыми продуктами. Людям сказали запастись продуктами на первые два дня, а после их будут снабжать всем необходимым.

Интересно, что помимо комиссии «по погашению чумы» была учреждена «комиссия по предмету продовольствия» и снабжения жителей разного рода припасами. Председателем это комиссии был генерал-майор Примо. В распоряжение ей была направлена значительная сумма денег и предоставлялось право на требование разного рода продуктов из морских и сухопутных магазинов. Деньги определялись на посуточную плату разным чинам, участвовавшим по погашению чумы, и на другие потребности – на закупку дров, сена, на платеж за снабжение водой. В распоряжение штабс-капитана Беккера было отпущено достаточное количество муки, соли, круп, дров – все это надо было регулярно раздавать женам нижних чинов и их детям. Также Беккеру было поручено наблюдать за исправным снабжением жителей водой. Н. И. Закревский пишет, что поначалу дозорные регулярно доставляли жителям Корабельной слободы продукты и воду, во всех домах раз в неделю проводилось очищение хлором. Все происходило таким же образом и в других частях города. Севастополь в то время был разделен на следующие части: первая часть: адмиралтейство, вся Екатерининская улица; 2 часть – улицы Еврейская и Греческая; 3 часть – Нагорная; 4 часть – «Хребет беззакония» и городской рынок; 5 часть – улица Большая Морская; 6 часть – Артиллерийская слободка; 7 часть – блокшифры с арестантами и Каторжная слободка; 8 часть – Александровские казармы флотских экипажей; 9 часть – Корабельная слобода.

Из указанного деления города легко определить, сколько по разным назначениям при погашении чумы состояло чиновников, которым со времени закрытия Севастополя определена была посуточная плата деньгами. Н. И. Закревский приводит цифры: «Частным врачам, заведывающим частями города – их было 9 – каждому выдавалось в сутки по 2 рубля 50 копеек; окурщикам хлором – их было 10 – та же сумма; врачам, состоящим при докторе Ланге – их было 2 – каждому по 5 рублей; докто-

ру Лангу одному – 10 рублей; инспектору карантина – 10 рублей; двум комиссарам карантина – 10 рублей, временным комиссарам – их было 9 – по 5 рублей; полицмейстеру города – одному 10 рублей; частному или временному полицмейстеру – одному 7 рублей 50 копеек; адъютантам военного губернатора – двум, платили по 5 рублей; адъютантам флотского начальника – двум, тоже платили по 5 рублей. Итого – 170 рублей в день» [14, с. 300].

Вместе с тем, Н. И. Закревский рассуждал, дескать при таком тщательном распределении обязанностей, четкой организации карантина люди не должны были испытывать никаких стеснений. До закрытия города никто не жаловался на свои нужды, однако через два-три дня после закрытия Севастополя женщины начали испытывать неудобства – нерегулярно и в малом количестве привозили воду, при этом запрещалось ходить к соседям, в то время как «во дворе у Бреккера, Степанова народ толкался круглый день, на рынке постоянное оживление, сходбища должностных лиц под предлогом служебных обязанностей... следовательно, тягость лежит только на простом народе» [15, с. 301]. Между тем, когда истек карантинный период, а для Корабельной слободки он прошел хорошо – умерших не было и сомнительных больных не оказалось – слободку все же не спешили открывать, объясняя это тем, что в остальных частях города все еще неблагополучно. Жителям Корабельной слободки объявили решение властей высидеть взаперти еще 21 день. Люди расстроились, но покорились.

С. Н. Сергеев-Ценский в книге Севастопольская страда» описывает, как врачи издевались над жителями города. «Чума – болезнь весьма скоротечная, но там умудрялись держать «подозрительных» даже и по два месяца, а был и такой случай, когда держали целых пять месяцев! Большинство умирало там, так как не все же были такие исключительные здоровяки, чтобы выдерживать режим мыска месяцами. А так как туда отправлялись не только подозрительные по чуме, но и их семейства полностью, до грудных детей и глубоких старцев, то часто вымирали там целые семьи. Наконец, кем-то из старших врачей изобретено было, как предупредительная мера против заражения чумою, поголовное купанье в море жителей Корабельной и Артиллерийской слободок и «Хребта беззакония»! И это подневольное купанье продолжалось всю зиму, благо вода в бухте не замерзала. Как же можно было не заболеть от этого всеми простудными болезнями! А чуть человек заболел, он уже становился «подозрительным по чуме» [16, с. 238].

11 марта в Артиллерийской слободке ознаменовалось кровавой сценой, вследствие слишком жестоких мер со стороны властей. Один из матросов отказался идти за женой и дочерью в чумное отделение, его пытались взять силой, но он зарядил ружье и выстрелил в лейтенанта – адъютанта флотского начальника. Через два дня после этого происшествия было приказано отобрать у всех жителей Севастополя все то, что было похоже на какое-либо оружие. В Корабельной слободке заняли избу и поместили туда все отобранное оружие. Так, прошел очередной срок, пора было открывать слободку, но власти опять объявили, что еще опасно открывать сообщение между жителями. «Жителям-затворникам становилось все тяжелее, прежде, несколько дней назад, они только что жаловались, а теперь начинают стонать и пла-

кать. Слободку опять без видимой причины заперли на 21 день – на третий карантинный термин» [17, с. 305].

Ключевым днем для Никифора Ивановича Закревского стало 7 апреля, когда он осознал как несправедливо и жестоко обманывают людей местные власти и, прежде всего, врачи. Утром к Н. И. Закревскому пришел дозорный и доложил о смерти оставшего матроса. Врач распорядился дать знать об этом доктору Лангу, а тот незамедлительно явился в слободку, сопровождаемый Макаровым, Верболозовым и мортусами. Приступили к осмотру умершего. Далее следует привести полностью наблюдения Н. И. Закревского: «Лицо умершего было вздуто, синевато-темного цвета, глаза закрытые, рот полуоткрытый, губы вздутые, синие, уши синие, шейные вены наполнены кровью, цвет кожи от стечения крови был синий. Явственно и несомненно, что тут «арорlexia sanguinea» и ничего больше» [18, с. 306]. Однако доктор Ланг и его приверженцы отказались признавать, что матрос умер от кровоизлияния в мозг, настаивали на том, что скончался он от чумы и к тому же, поспешили отправить в чумное отделение его жену и дочь.

После этого вопиющего случая надувательства и издевательства, свидетелем которого стал Никифор Иванович Закревский, он отказывается дольше оставаться в городе, где царит беззаконие и рано или поздно вспыхнет бунт, и принимает решение вновь отправиться в плавание. Желание его было удовлетворено, и 10 апреля 1830 года Н. И. Закревский, простившись с Корабельной слободой, был уже на фрегате «Штандарт».

«ЖЕНСКИЙ БУНТ» И ВОССТАНИЕ

Между тем, настроения севастопольцев становились все воинственнее. Данил Лукич Мордовцев так описывает события в Корабельной слободке весной 1830 года: «Жители Корабельной слободки в сие бедственное для них время, которое по причине необыкновенно в то время холодной зимы, было весьма для них ощутительно, столько претерпели, что не имеют слов достаточно изъяснить тогдашнее их бедственное положение. Будучи лишены всякого с городом и ближними селами сообщения, не имея что есть и пить, равно и отопить свои жилища, они ежедневно видели несчастные свои семейства и малолетних детей своих изнуряемых голодом и холодом, и при малейшем кому-либо из них приключившейся болезни, по освидетельствовании медицинских чинов, были забираемы в карантин, на Павловский мысок, где и были содержимы по пятидесяти и более дней, и многие из них там и умирали, возвратившиеся же из оною находили дома свои опустошенными. Раздаваемое им продовольственной комиссией пособие было столь незначительным, что оною многим из них и на одну неделю не было достаточно. Между тем, чума действительно давно прекратилась, а карантинная цепь все стоит, народ не смеет пробраться за цепь даже тайно, а кто пробирается – того хватают и отсылают на Павловский мысок» [19, с. 286].

Среди людей считалось, что именно врачи – Петр Иванович Ланг и Павел Андреевич – вводили в заблуждение начальство, чтобы получать двойной оклад жалованья. В городе распространялся слух, будто мортусы, подкупленные докторами, травят народ, бросая ядовитые вещества в колодцы и источники. Эти слухи превратились в утверждение, когда унтер-офицерская жена Надежда Кириллова заявила,

что штаб-лекарь Верболозов отравил все ее семейство, а ее не тронул, так как, будучи «сластолюбивым стариком» сам хотел заполучить Кириллову.

Последней каплей в чаше терпения бедных жителей Корабельной слободы стала смерть матросской вдовы Зиновьи Щегловой 31 мая 1830 года. Между тем, 27 мая карантинное оцепление было снято с самого Севастополя, как признанного уже не чумным городом, а с Корабельной слободки было решено снять оцепление 3 июня. По правилам Щеглову должен был освидетельствовать врач, поэтому в слободку был командирован штаб-лекарь Шрамков. Он был одной из главных причин женского бунта в Севастополе. Подобно Верболозову, он так же нагло относился ко всем женщинам, и из девятисот показаний, отобранных после бунта, каждое оканчивалось фразой: «Претерпевала истязания от штаб-лекаря Шрамкова» [20, с. 290].

После освидетельствования Шрамковым Щегловой, он объяснил ее смерть чумой. Люди были поражены этим известием, а когда приехали мортусы забирать тело женщины, жительницы слободки решили не отдавать его, так как власти опять признали существование чумы в слободке и собрались продлить здесь карантин. Пока военный губернатор Николай Алексеевич Столыпин успел прислать вооруженных солдат, женский бунт уже вспыхнул, и ненависть женщин была направлена, прежде всего, на докторов. В развернувшемся бунте мужчины встали на сторону своих жен, и уже 1 июня в Севастополь прибыл Таврический гражданский губернатор и настойчиво советовал Н. А. Столыпину принять против бунтовщиков самые решительные меры.

Между тем, женский бунт переходил в мятеж. Все матросы, которые находились на кораблях при своих обязанностях, пришли в такое же непокорное состояние, так как на берегу были их жены, дети, родственники [21, с. 381]. Контр-адмирал И. С. Скаловский и Н. А. Столыпин на военном совете решили держать Корабельную слободку в строгом оцеплении и стеснении усиленным количеством войск, которые имеются в распоряжении, до тех пор, пока мятежники не повинуются властям.

Вот что писал С. Н. Сергеев-Ценский о начинавшемся восстании: В севастопольском восстании все было налицо. Склад оружия, правда, очень небольшой, имелся; кроме этого склада, оружие было у восставших на руках. Вождями восстания были матросы унтер-офицерского звания (квартирмейстеры). Что же касается до горючего материала, то он, конечно, был в изобилии везде в России; здесь же, в Севастополе, творились тогда властями в целях личной наживы такие страшные безобразия, какие и полагались на далекой окраине, не весьма давно приобщенной к государству. Прежде всего, возникает вопрос: была ли действительно чума в Севастополе в 1829–1830 годах? Старики единогласно утверждают, что не было, и называют эту «эпидемию» довольно метко «карманной чумой», то есть просто способом для чиновников набивать себе карманы на предохранительных от заноса чумы карантинных мерах» [22, с. 289].

Ночь на 3 июня стала роковой для севастопольцев. Многие из оцепленных женщин и мужчин составили нечто вроде военного совета. На нем было решено во что бы то ни стало прорвать цепь. Вечером 3 июня губернатор расставил в городе войска, 52 солдата охраняли губернаторский дом. Караулы в городе вызвали негодование севастопольцев, особенно жителей слободок. Люди ударили на соборной колокольне в набат, толпа с криками «Ура!» двинулась к дому губернатора, адмиралтейству и со-

бору. Наибольшую активность проявляло население Корабельной и Артиллерийской слободок. К мятежникам примкнули матросы флотских экипажей, 17-й и 18-й рабочие экипажи и рабочие военного ведомства. Все они требовали отменить карантин и убрать ненавистных чиновников [23, с. 77].

Восставших возглавила так называемая «Добрая партия» – совет, в который вошли Т. Иванов, Ф. Пискарев, К. Шкурпелов, а также фельдфебель Петр Щукин, слесарь Матвей Соловьев и мещанин Яков Попков. У дома губернатора толпу встретил и пытался остановить генерал Примо. Но с него сорвали эполеты, мятежники ворвались в дом и убили губернатора. К бунту присоединились 29-й, 38-й и 39-й флотские и 16-й ластовый экипажи. С криками «Бей и коли офицеров!» толпа разделилась на две части. Одна направилась снимать блокаду с Корабельной слободки. Охранявшие слободку солдаты сочувствовали народу, и дело едва не кончилось мирно, как вдруг с тыла на солдат бросились в штыки матросы, за ними мастеровые с кольями и ломami, а жители слободки, видя это, напали на солдат с фронта. Тогда солдаты восстали, убили полковника Воробьева и присоединились к мятежникам.

Вторая часть бунтовщиков пошла к Хребту беззакония, где схватила адмирала И. С. Скаловского, сорвала с него эполеты и потребовала выдать расписку об отсутствии в городе чумы. К 22 часам мятежники захватили весь город. Они разгромили дома и квартиры 42 чиновников и офицеров, убили одного из «чумных» комиссаров чиновника Степанова, инспектора военного карантина Стулли, избili плацадьютанта военного губернатора Родионова. Вся полиция бежала из Севастополя [24, с. 278].

Тем временем губернские власти перебросили к Севастополю из Феодосии 12-ю дивизию генерала Тимофеева, 7 июня она вошла в город. Из Николаева прибыл главный командир Черноморского флота А. С. Грейг. Он обещал наказать карантинных чиновников, призывал горожан сознаться в участии в бунте и обещал помилование всем, кроме зачинщиков и убийц.

Генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии граф Михаил Семенович Воронцов (1782–1856), герой войны 1812 г. и русско-турецкой войны 1828–1829 гг., известный либеральными взглядами тоже приехал в Севастополь, но в городе не появился и остановился на Северной стороне. Под руководством Воронцова начали действовать три военно-судные комиссии. Они рассмотрели дела 6 тыс. человек. Семь главных зачинщиков приговорили к смертной казни: Т. Иванова, Ф. Пискарева, К. Шкурпелова, П. Щукина, М. Соловьева, Я. Попкова, а также унтер-офицера Крайненко. Приговор исполнили на территории слободок 11 августа 1830 г. Различным наказаниям подвергли 497 гражданских лиц (из них 423 женщины), 470 мастеровых рабочих экипажей, 27 матросов ластовых экипажей, 380 матросов флотских экипажей, 128 солдат, 46 офицеров. Наказания им определили от битья линьками до 3 тыс. ударов шпицрутенами с последующей каторгой. Офицеров наказали дисциплинарно. 4200 штатских жителей этапом переселили в другие города, самым дальним из которых назначили Архангельск [25, с. 82–85].

*«ЧУМНОЙ БУНТ» 1830 ГОДА В СЕВАСТОПОЛЕ:
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВОЕННОГО ВРАЧА Н. И. ЗАКРЕВСКОГО*

*Фото 1. Вид на Корабельную с Павловского мыса 1855.
Склады Лазаревского адмиралтейства.*

Фото 2. Вид на доки.

Фото 3. Вид на Севастопольскую бухту.

Крымъ.—Сіміе. № 41. .
Севастополь —Sébastopol. .

Фото 4. Вид на Севастополь. Корабельная слобода.

Фото 5. Вид на Екатерининскую улицу и Николаевскую батарею.

ВЫВОДЫ

Обращение к воспоминаниям очевидца «чумного бунта» в Севастополе, Никифора Ивановича Закревского, способствует осознанию сложного характера событий 1830 года. Эти материалы содержат множество ярких деталей, позволяющих подробно представить жизнь людей Севастополя в дни начала карантина и продолжительного закрытия города. Будучи более свободным от идеологических оценок, чем официальная документация, воспоминания врача Н. И. Закревского помогают избежать односторонних подходов в понимании характера севастопольского восстания 1830 года. Безусловно, мемуары отличаются субъективностью и носят фрагментарный характер, однако использование их в совокупности с другими документами способствует формированию более достоверной картины «чумного бунта» и восстания в Севастополе.

Список использованной литературы

1. Головачов Е. Ф. История Севастополя как русского порта / Е. Ф. Головачов. – СПб., 1872. – 258 с.
2. Сергеев-Ценский С. Н. Севастопольская страда / С. Н. Сергеев-Ценский. – М. : Правда, 1967. – Т. 2. – 476 с.
3. Скориков Ю. А. Севастопольская крепость / Ю. А. Скориков. – СПб. : Стройиздат, 1997. – 320 с.
4. Мордовец Д. Л. Русские женщины нового времени. Биографические очерки из русской истории. Женщины девятнадцатого века / Д. Л. Мордовец. – СПб. : изд. А. Черкесова и К⁰, 1874. – 323 с.
5. Хартахай Ф. А. Женский бунт в Севастополе / Ф. А. Хартахай // Современник. – 1861. – № 12. – С. 363–394.
6. Гауровиц И. С. Морские врачи в Севастополе / И. С. Гауровиц // Морской сборник. – 1855. – Т. 16, № 5. – Неоф. отд., С. 113–125.
7. Закревский Н. И. Корабль «Эриван», 1829 / Н. И. Закревский // Морской сборник. – 1861. – Т. 42, № 3. – Неоф. отд., С. 62–94.
8. Закревский Н. И. Севастополь 1830-1831 / Н. И. Закревский // Морской сборник. – 1863. – Т. 54, № 2. – Неоф. отд., С. 139–168.
9. Закревский Н. И. На берегу в Севастополе, 1830 / Н. И. Закревский // Морской сборник. – 1861. – Т. 42, № 4. – Неоф. отд., С. 289 – 312.
10. Там же.
11. Закревский Н. И. Корабль «Эривань», 1829 / Н. И. Закревский // Морской сборник. – 1861. – Т. 42, № 3. – Неоф. отд., С. 62–94.
12. Закревский Н. И. На берегу в Севастополе, 1830 / Н. И. Закревский // Морской сборник. – 1861. – Т. 42, № 4. – Неоф. отд., С. 289 – 312.
13. Гаврилов Б. И. Чумной бунт в Севастополе 1830 г. / Б. И. Гаврилов // Москва–Крым. – 2002. – № 4. – С. 73–81.
14. . Закревский Н. И. На берегу в Севастополе, 1830 / Н. И. Закревский // Морской сборник. – 1861. – Т. 42, № 4. – Неоф. отд., С. 289 – 312.
15. Там же.
16. Сергеев-Ценский С. Н. Севастопольская страда / С. Н. Сергеев-Ценский. – М. : Правда, 1967. – Т. 2. – 476 с.
17. Закревский Н. И. На берегу в Севастополе, 1830 / Н. И. Закревский // Морской сборник. – 1861. – Т. 42, № 4. – Неоф. отд., С. 289 – 312.
18. Там же.
19. Мордовец Д. Л. Русские женщины нового времени : биографические очерки из русской истории : женщины девятнадцатого века / Д. Л. Мордовец. – СПб. : Издание А. Черкесова и К., 1874. – 323 с.
20. Там же.
21. Хартахай Ф. А. Женский бунт в Севастополе / Ф. А. Хартахай // Современник. – 1861. – № 12. – С. 363–394.

22. Сергеев-Ценский С. Н. Севастопольская страда / С. Н. Сергеев-Ценский. – М. : Правда, 1967. – Т. 2. – 476 с.
23. История города-героя Севастополя. – Киев, 1960. – Т. 2. – 478 с.
24. Сергеев-Ценский С. Н. Севастопольская страда / С. Н. Сергеев-Ценский. – М. : Правда, 1967. – Т. 2. – 476 с.
25. История города-героя Севастополя. – К., 1960. – Т. 2. – 478 с.

Лепісевич Н. З. «Чумний бунт» 1830 році в Севастополі на сторінках спогад військового лікаря Н. І. Закревського / Н. З. Лепісевич // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2012. – Т. 25 (64), № 1. – С. 106–118.

У статті аналізуються спогади севастопольського лікаря Н. І. Закревського про «чумний бунт» 1830 року в Севастополі, опубліковані на сторінках часопису «Морской сборник» у 60-ті роки XIX століття. Розглядається питання, яким чином використання цих документів сприяє розумінню характеру подій 1830 року, а також реакції на них населення. Введення в науковий обіг даного джерела дозволяє уточнити загальну картину подій у період з січня 1830 р, що передували повстанню у червні 1830 року.

Ключові слова: «Морской сборник», Н. І. Закревський, Севастополь, «чумний бунт».

Lepisevich N. Z. «Plagued riot» in 1830 in Sevastopol on the pages of military doctor N. I. Zakrevskiy's memoirs / N. Z. Lepisevich // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2012. – Vol. 25 (64), No 1. – P. 106–118.

One of the brightest and most dramatic events in the history of Sevastopol is the rebellion of citizens and sailors since 3 till 7 of June, 1830. In the study of the events unfolding from January to June 1830, the researchers can only rely on a very small circle of historical sources. In this respect, a valuable source for the social history of Sevastopol submitted memories of surgeon Nikifor Ivanovich Zakrevskiy published in the pages of naval magazine «Sea Collection» in 1861-1865 years. This fact is caused by the relevance of chosen topic.

The article presents the memoirs of N. I. Sakrevskiy, eyewitness, of the «plagued riot» in 1830 in Sevastopol. These memoirs were published in the journal «Marine Collection» in the 60 years of XIX century. The author examines in what way these documents help to understand the character of the events in Sevastopol in 1830 and the population's reaction to them. Bringing this group of resources into scientific usage can help to define the general picture of the events in the period from January 1830, prior to the rebellion in June 1830.

The author of this article researched and analyzed works of Nikifor Ivanovich Zakrevskiy and attempted to understand how the doctor, who witnessed all events, perceived and evaluated the events «plague riot» in 1830. Appealing to the evidence of witness of «plague riot» in Sevastopol reflect the complexity of the events of 1830. These materials contain many vivid details that allow to imagine the lives of the people of Sevastopol during the early quarantine of the city. Being more free from ideological assessments than the official documentation, memories of military doctor N. I. Zakrevskiy help to avoid unilateral approaches for understanding the nature of Sevastopol rebellion of 1830.

Keywords: «Marine Collection», Sevastopol, N. I. Zakrevskiy, «plague riot».

Поступила в редакцію 01.11.2012 г.